

К.Л. Захарова*

**ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ ТЫЛОВЫХ ГАРНИЗОНОВ
В СИБИРИ В МАРТЕ – ОКТЯБРЕ 1917 Г.:
ОПЫТ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ****doi:10.31518/2618-9100-2024-6-2
УДК 352.07(571)"1917"*Выходные данные для цитирования:
Захарова К.Л. Военнослужащие тыловых гарнизонов в Сибири в марте –
октябре 1917 г.: опыт политического участия // Исторический курьер. 2024.
№ 6 (38). С. 228–249. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-02.pdf>*

K.L. Zakharova*

**MILITARY PERSONNEL OF REAR GARRISONS
OF SIBERIA IN MARCH – OCTOBER 1917:
EXPERIENCE OF POLITICAL PARTICIPATION****

doi:10.31518/2618-9100-2024-6-2

*How to cite:
Zakharova K.L. Military Personnel of Rear Garrisons of Siberia in March – October
1917: Experience of Political Participation // Historical Courier, 2024, No. 6 (38),
pp. 228–249. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-02.pdf>]*

Abstract. The article is devoted to the problem of military personnel participation in the struggle for democratic changes in the garrisons of the Omsk and Irkutsk Military Districts after the February Revolution victory. The study examines the main activity areas of the Soviets as representative bodies of soldiers and officers in the field of resolving a set of problems united by the concept of “military issue”, and also identifies mechanisms for involving the contingent of rear garrisons in the socio-political movement. The phenomenon of the army of revolutionary times is characterized and the socio-psychological transformation of military personnel during the period under study is shown. Conclusions are drawn that the struggle of military personnel with the assistance of the Soviets for democratization of the army degenerated into a struggle against the army itself as an institution. Due to the absence of a unified system of Soviets in Siberia and, as a consequence, a unified strategy for revolutionary changes within the garrisons, the decisions taken by the Soviets were often inconsistent and contradictory. The destruction of command unity as the basic principle of the troops internal structure contributed to the loss of controllability of the armed forces contingent and led to a decline in the combat effectiveness of the army and its disintegration. Evaluating the place and role of military personnel of rear garrisons in the revolutionary process development in the provinces, we can say that the soldiers’ route to peace after February 1917 lay through the collapse of military discipline and the spread of destructive forms of behavior, which contributed to the country’s descent into chaos and anarchy.

Keywords: February Revolution of 1917, Omsk Military District, Irkutsk Military District, Soviets of Workers’ and Soldiers’ Deputies, “military question”; democratization of the army.

*The article has been received by the editor on 23.09.2024.
Full text of the article in Russian and references in English are
available below.*

* **Ксения Леонидовна Захарова**, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: kleo_zakharova@mail.ru

Kseniya Leonidovna Zakharova, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: kleo_zakharova@mail.ru

** Статья выполнена в рамках темы государственного задания Минобрнауки РФ «Социум и власть в России в XX – начале XXI вв.: политическое участие, коммуникация, идентичность акторов» (FWZM-2024-0008).

The article was completed within the framework of the topic of the state assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation “Society and Power in Russia in the 20th – Early 21st Centuries: Political Participation, Communication, Actor Identity” (FWZM-2024-0008).

Аннотация. Статья посвящена проблеме участия военнослужащих в борьбе за демократические преобразования в гарнизонах Омского и Иркутского военных округов после победы Февральской революции. В исследовании рассмотрены основные направления деятельности Советов как представительных органов солдат и офицеров в области разрешения комплекса проблем, объединяемых понятием «военный вопрос», а также выявлены механизмы вовлечения контингента тыловых гарнизонов в общественно-политическое движение. Дана характеристика феномена армии революционного времени и показана социально-психологическая трансформация военнослужащих в течение изучаемого периода. Сделаны выводы о том, что борьба военнослужащих при помощи Советов за демократизацию армии выродилась в борьбу с самой армией как институтом. Ввиду отсутствия в Сибири единой системы Советов и, как следствие, единой стратегии по вопросам революционных преобразований внутри гарнизонов принимаемые Советами решения часто были непоследовательными и противоречивыми. Разрушение единоначалия как базового принципа внутреннего устройства войск способствовало потере управляемости контингентом вооруженных сил и вело к падению боеспособности армии и ее разложению. Давая оценку месту и роли военнослужащих тыловых гарнизонов в развитии революционного процесса в провинции, можно говорить о том, что путь солдат к миру после Февраля 1917 г. лежал через развал воинской дисциплины и распространение деструктивных форм поведения, что способствовало погружению страны в хаос и анархию.

Ключевые слова: Февральская революция 1917 г., Омский военный округ, Иркутский военный округ, Советы рабочих и солдатских депутатов, «военный вопрос», демократизация армии.

Статья поступила в редакцию 23.09.2024 г.

Февральская революция 1917 г. и вызванные ею трансформации в социально-политической системе России происходили в контексте продолжавшейся Первой мировой войны, когда резко возросла численность армии, а вместе с тем и роль военнослужащих в государственной жизни. Успех революции во многом зависел от того, на чьей стороне окажутся вооруженные силы. Поэтому весьма закономерно, что одной из приоритетных задач ведущих политических акторов стала борьба за лояльность солдатских масс и офицерства. Как следствие, в первые же дни Февральской революции актуализировался вопрос об изменении правового положения военнослужащих с целью допустить их к участию в политике на равных основаниях со всеми гражданами обновленной России. Советы рабочих и военных депутатов осознавали необходимость демократических преобразований, призванных изменить уклад внутренней жизни в казармах и расширить права солдат за их пределами.

Приказ № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, формально распространявшийся лишь на гарнизон Петроградского округа, на деле повсеместно был воспринят как прямое руководство к действию в рамках процесса демократизации армии. Приказ определял новое правовое положение солдат, регламентировал отношения между офицерами и солдатами и вводил коллегиальное управление в войсках путем создания комитетов из выборных представителей нижних чинов, отменив тем самым единоначалие как основной принцип внутреннего устройства армии. «В строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую дисциплину, но вне службы и строя, в своей политической, общегражданской и частной жизни, солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане», – говорилось в приказе¹. Следующим шагом на пути расширения гражданских прав солдат стал изданный 5 марта 1917 г. военным министром А.И. Гучковым приказ по военному ведомству № 114. Суть приказа

---

¹ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 2 марта.

сводилась к требованию вежливого обращения с солдатами, к отмене титулования и ряда ограничений устава внутренней службы, в том числе запрещавшего солдатам посещать клубы и собрания, а также (и это было особенно важно) участвовать в качестве членов в союзах и обществах, образуемых с политической целью². Фактически с этого момента военнослужащие на законных основаниях становились полноправными участниками революционного процесса.

Демократизация войск, охватившая русскую армию, не обошла стороной и расположенные в Сибири тыловые гарнизоны, где большим влиянием пользовались мобилизованные политические ссыльные – революционный авангард провинции. Однако, несмотря на научный интерес к проблеме борьбы за солдатские массы, обусловленный признанием важной роли армии в развитии революционного процесса, этот сюжет не получил глубокой проработки в рамках советской историографии. Тем не менее отечественные историки создали хороший задел в контексте изучения проблемы взаимоотношений армии и Советов³. Современным авторам удалось значительно расширить проблемное поле, поставить и решить новые исследовательские задачи, связанные с различными аспектами «военного вопроса» в 1917 г.⁴ Значимым научным вкладом стала диссертация И.А. Попова, посвященная участию военнослужащих Западной Сибири в революционном процессе через свои представительные органы и остающаяся наиболее полным специальным исследованием по данной теме⁵.

Обзор историографической ситуации показывает, что основной фокус внимания ученых был направлен на анализ участия в революционном процессе солдат и офицеров Западной и Средней Сибири. Данная статья ставит своей целью расширить территориальные

² Вестник Временного правительства (Петроград). 1917. 7 (20) марта. С. 1.

³ *Самойлов Л., Циркунов Г.* Западно-Сибирский областной исполнительный комитет Советов // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1931. Т. 2. С. 64–66; *Фабричный А.В.* Борьба за Советы: Омск, 1917–1918. Омск, 1942; *Сафронов В.П.* Октябрь в Сибири. Большевики Сибири в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции (февраль 1917 – март 1918 г.). Красноярск, 1962; *Соловьева В.А.* Советы Томской губернии в период двоевластия (март – июль 1917 г.) // Труды Томского государственного университета. Томск, 1964. Т. 167. С. 3–25; *Соловьева В.А.* Томский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году // Томску 375 лет. Томск, 1979. С. 137–152; *Чижев И.Г.* Солдаты Омского гарнизона в Октябрьской революции // Борьба за власть Советов в Сибири и на Дальнем Востоке. Томск, 1968. С. 39–80; *Чижев И.Г.* Омский гарнизон в период мирного развития революции // Революционное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Томск, 1970. Вып. V. С. 125–158; *Иванов Ю.В.* Советы Средней Сибири в двух буржуазно-демократических революциях (1905–1907; март – октябрь 1917 гг.): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1969; *Познанский В.С.* Сибирский красный генерал. [А.А. Таубе]. Новосибирск, 1972; *Баталов А.И.* Борьба большевиков за армию в Сибири (1916 – февраль 1918 г.). Новосибирск, 1978; *Бабикина Е.Н.* Двоевластие в Сибири. Томск, 1980; и др.

⁴ *Чернова И.В.* Самоуправление в армии в период революции 1917 года (на материалах Томского гарнизона) // Гражданское общество и региональное развитие: материалы науч.-практ. конф. (Томск, 22 апреля 1994 г.). Томск, 1994. С. 33–34; *Ларьков Н.С.* Начало гражданской войны в Сибири: армия и борьба за власть. Томск, 1995. 252 с.; *Ларьков Н.С.* Армия и борьба за власть в Сибири в конце 1917–1918 г.: дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1996; *Кожевин В.Л.* Совет офицерских депутатов Томского гарнизона (март – декабрь 1917 г.) // Исторический ежегодник [Омского государственного университета]. Спец. вып.: Общественное движение Сибири в начале XX века. Омск, 1997. С. 91–103; *Кожевин В.Л., Попов И.А.* К вопросу о возникновении Омского союза солдат-крестьян // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Ч. 1. Омск, 2002. С. 54–156; *Шекшеев А.П.* Русское офицерство тыловых гарнизонов Енисейской губернии в 1917 г. // Вопросы истории Сибири: сборник научных статей. Вып. 11. Омск, 2015. С. 94–102; *Шекшеев А.П.* Солдатская революция в Красноярском гарнизоне в последний год Великой войны // Война и личность: роль и место личности в истории войн: мат-лы Всерос. (с междунар. участием) науч. конф., посвящ. 100-летию Брусиловского прорыва (Новосибирск, 12–13 мая 2016 г.). Новосибирск, 2016. С. 113–119; *Еремин И.А.* Подготовка людских резервов для действующей русской армии в Западной Сибири в условиях хаоса 1917 г. // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2017. № 1 (30). С. 47–51; *Еремин И.А.* Сознательный развал русской армии как неизбежное следствие государственного переворота в феврале 1917 г. (на примере Омского военного округа) // Гуманитарные проблемы военного дела. 2018. № 1 (14). С. 35–39; *Никулин Д.О.* Подготовка пополнения для действующей армии в запасных частях Омского военного округа в 1914–1917 гг. Новосибирск, 2022.

⁵ *Попов И.А.* Советы военных депутатов Западной Сибири (март 1917 – весна 1918 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2005.

рамки исследования темы и продолжить изучение опыта борьбы военнослужащих сибирских гарнизонов за демократизацию Омского и Иркутского военных округов.

Важным шагом в череде революционных преобразований стали кадровые и структурные изменения внутри военных округов. Аресты и смещение с должностей военнослужащими «враждебных», на их взгляд, чинов из числа командного состава стали обычной практикой в гарнизонах, что потребовало вмешательства комитетов общественной безопасности (КОБов) и Советов с целью взять этот процесс под свой контроль. С одной стороны, чтобы не допустить анархии и самосудов, а с другой – чтобы обеспечить наиболее выгодную для себя расстановку сил в руководстве гарнизонов. Так, Совет солдатских депутатов Томского гарнизона на заседании 6 марта признал «вполне понятным» стремление солдат сместить своих командиров, «сумевших за время своего бесконтрольного хозяйничества вызвать в большинстве товарищей враждебные к себе отношения»⁶. В то же время члены Совета призывали «не обострять слишком отношений» и в случае необходимости поручить им дело замены командиров, «не предпринимая в этом направлении самостоятельно ничего»⁷. Так же и Совет военных депутатов Иркутска первоочередной своей задачей декларировал «внести успокоение среди солдат и произвести необходимые перемещения в командном составе» и арестовать особо неугодных лиц⁸.

Замена командиров хоть и стала практически повсеместным явлением, но не происходила лишь по первому требованию солдат. Этот процесс растянулся на многие месяцы. Так, в августе Окружное бюро Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Восточной Сибири рассматривало заявление «о несоответствии переживаемому моменту» командира 609-й пешей Акмолинской дружины государственного ополчения⁹ полковника А.-Ф.В. Ивашкевича. Выяснилось, что отношение полковника к солдатам до революции было «невыносимым»: он до полусмерти избивал их. «Поразительно изменивший свои взгляды после переворота», со временем Ивашкевич снова стал менее лояльным и менее восприимчивым к запросам солдат. После Февраля 1917 г. весь гарнизон просил убрать «нежелательного» командира из Читы, но вопрос о переводе откладывался, «где-то придерживался», и в результате полковник Ивашкевич остался на своем месте¹⁰. Окружное бюро постановило передать дело Ивашкевича на рассмотрение Читинскому Совету солдатских депутатов, после чего возвратить его в Бюро для назначения в случае необходимости смешанной комиссии для расследования. Совет и Бюро не могли лишь своим решением сместить полковника с занимаемой должности (хотя в марте 1917 г. в условиях революционного хаоса это еще было возможным), но смогли поспособствовать его уходу, обратившись от имени солдат к вышестоящему начальству.

Параллельно с процессом смещения с должностей военнослужащие инициировали выборы своих командиров, что ранее казалось немыслимым. Так, 4 марта было назначено общее собрание офицеров Омского гарнизона, которое в составе более тысячи человек единогласно избрало на должность командующего войсками Омского военного округа генерал-майора Г.В. Григорьева и начальником штаба – генерала В.Г. Владимирова¹¹. Григорьев, фактически приступивший к исполнению своих обязанностей с момента избрания, был утвержден в должности сначала Коалиционным комитетом, а позднее и военным министром А.И. Гучковым. 5 марта заседание офицеров Томского гарнизона вместо смещенного полковника В.А. Бирона избрало начальником гарнизона (а также 5-й Сибирской стрелковой запасной бригады) полковника Калину, уважаемого в войсках¹². Инициатива избрания, шедшая снизу, стала огромным шагом на пути демократизации армии. Вскоре уже сам Г.В. Григорьев «ввиду крайней необходимости поддержания полного спокойствия

⁶ Известия Совета солдатских депутатов Томского гарнизона. 1917. 21 марта.

⁷ Там же.

⁸ Единение (Иркутск). 1917. 30 апр.

⁹ Расквартирована в Чите, Забайкальская область, Иркутский военный округ.

¹⁰ Единение (Иркутск). 1917. 12 авг.

¹¹ Омский вестник. Приложение к № 52. 1917. 7 (20) марта.

¹² Омский вестник. Приложение к № 60. 1917. 17 (30) марта.

и порядка» утвердил в должности начальника Тобольского гарнизона полковника Строганова (вместо смещенного полковника Захарова). При этом Григорьев, опасаясь, вероятно, нарушения субординации и анархии, обратился к гарнизону с просьбой «на будущее время не допускать подобного способа назначения начальствующих лиц»¹³.

«Генералом от Революции» называли командующего войсками Иркутского военного округа П.Г. Фелицына, выдвинутого на этот пост Комитетом общественных организаций и Иркутским революционным гарнизоном, как сообщала газета «Армия и народ»¹⁴. В марте полковник Фелицын сначала был назначен временно командующим войсками округа, а в апреле, после того как ему было присвоено звание генерал-майора, он уже был назначен командующим. 4 апреля 1917 г., в день пятилетней годовщины расстрела рабочих на Лене, Иркутский объединенный Совет рабочих и военных депутатов «от имени Революции» в торжественной обстановке преподнес П.Г. Фелицыну генеральские погоны¹⁵. Этот эпизод, красочно описанный в прессе, бесспорно, повлиял на формирование образа командующего как лояльного военачальника и товарища солдат, готового к тому же сотрудничать с их представительными органами.

Тенденция к введению выборного начала и коллегиального управления в войсках выразилась в том, что в сибирских гарнизонах были организованы войсковые комитеты разных уровней. Это было поддержано и в отдельных случаях инициировано местными Советами. Так, Иркутский Совет военных депутатов взял на себя разработку Устава комитетов войсковых частей гарнизонов Иркутского военного округа, который был утвержден 8 марта¹⁶. В уставе подробно регламентировалась процедура выборов и нормы представительства в комитетах, объединивших офицеров, военных чиновников и солдат, а также описывался механизм взаимоотношений по делам гарнизона между разными инстанциями¹⁷. Некоторым, однако, этот документ показался недостаточно прогрессивным. На этой почве возник конфликт Верхнеудинского Совета рабочих и солдатских депутатов с Иркутском, поскольку полученный проект военных организаций оказался менее демократичным, чем устав, выработанный здесь. В Верхнеудинском гарнизоне решения местных комитетов только сообщались командирам частей для сведения, но не для утверждения. При этом для согласования действий войсковых комитетов была организована объединенная комиссия, в которую вошли представители как Совета рабочих и солдатских депутатов, так и местного КОБа¹⁸.

Советы Западной Сибири также постепенно решали задачи как разграничения полномочий в сфере «военного вопроса», так и введения коллегиального управления в войсках. Так, 5 марта на общем собрании офицеры Томского гарнизона постановили принять на себя «безусловное руководство в устройении внутреннего быта и распорядка во всех частях, входящих в состав Томского гарнизона», а также «разрешение всех военно-технических и военно-административных вопросов»¹⁹. В этот же день собрание Томского Совета солдатских депутатов постановило избрать своего представителя для контроля деятельности начальника гарнизона. Единогласно при одном воздержавшемся был избран член Совета Н.Н. Яковлев²⁰. В дальнейшем также закрепилась практика, согласно которой ни один приказ по гарнизону не мог быть обнародован без визы членов Гарнизонного Совета – одного солдата и одного офицера²¹.

¹³ Сибирский листок (Тобольск). 1917. 12 марта.

¹⁴ Армия и народ (Иркутск). 1917. 7 апр.

¹⁵ Вестник Иркутского Совета рабочих депутатов. 1917. 7 апр.

¹⁶ Единение (Иркутск). 1917. 30 апр.

¹⁷ Революционное движение в военных округах. Март 1917 г. – март 1918 г. М., 1988. С. 26–27.

¹⁸ Единение (Иркутск). 1917. 7 мая. С. 4; Армия и народ (Иркутск). 1917. 11 мая.

¹⁹ Сибирская жизнь (Томск). 1917. 7 марта. С. 3.

²⁰ Советы Томской губернии. Март 1917 – май 1918 г.: сб. док-тов и мат-лов. Томск, 1976. С. 18.

²¹ Известия Совета солдатских депутатов Томского гарнизона. 1917. 25 марта. С. 4; Чернова И.В. Самоуправление в армии в период революций 1917 года (на материалах Томского гарнизона) // Гражданское общество и региональное развитие: материалы науч.-практ. конф. (Томск, 22 апреля 1994 г.). Томск, 1994. С. 33.

В приказе начальника гарнизона полковника Калины от 13 марта 1917 г. разъяснялось, что полковые комитеты, действовавшие на началах паритетного представительства, как и Гарнизонный Совет, ведают вопросами быта и внутреннего распорядка, а их постановления обязательны для всех чинов отдельной части или гарнизона при условии согласия с ними начальника части или гарнизона соответственно. «Солдаты, слушайте своих офицеров, заявляйте свои недовольства в комитеты, которые по совести разберут каждый случай и вынесут свое решение», – говорилось в приказе²². Также утверждался механизм соподчинения и взаимодействия, согласно которому при возникновении разногласий между командованием полков и комитетами дело разбиралось в Гарнизонном Совете, а в случае разногласий между начальником гарнизона и Гарнизонным Советом дело следовало передавать на рассмотрение в офицерский и солдатский Совет²³.

Из Томска в города Западной Сибири для пропаганды коллегиальных форм управления в гарнизонах и для ходатайства перед командующим войсками округа об официальном утверждении этой практики были командированы член Совета солдатских депутатов В.М. Косарев и представитель КОБа прапорщик М.П. Рудаков. На заседании исполкома Новониколаевского Совета докладчики сообщили, что в воинских частях Томска введено коллегиальное управление, а приказы командиров без утверждения их войсковыми комитетами «считаются недействительными»²⁴. При этом сами комитеты, решающие «чисто технические вопросы военной жизни», подчинены Советам солдатских и офицерских депутатов, ответственным за «вопросы общегосударственной жизни»²⁵.

Однако сами Советы не до конца понимали свою функцию в контексте решения «военного вопроса» и ее границы. Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов, проходившее в Петрограде с 28 марта по 3 апреля 1917 г., смогло более четко разграничить компетенции войсковых комитетов и Советов. Совещание признало, что большинство прав солдат фактически во многих местах было осуществлено, но явочным, т.е. захватным порядком. Из-за чего «получилась большая пестрота»²⁶. Единственно законной нормой в области солдатских прав оставался приказ № 114, который, по мнению участников Совещания, регулировал лишь «пустячные и мелочные права из области воинского чиновничества»²⁷. В связи с этим Совещание ставило своей задачей «организовать солдатскую массу как часть всей общереволюционной демократии» и предлагало реформировать профессиональную организацию военных, чтобы приспособить ее «к тем новым задачам и настроениям, к тому новому духу, который теперь у нас благодаря свободе воцарился»²⁸.

Совещание квалифицировало войсковые (полковые, ротные и т.д.) комитеты как профессиональные солдатские организации, которые должны были стать органами солдатского самоуправления, чья главная цель – «обслуживание социально-общественных нужд» солдат соответствующей части (роты, эскадрона, батареи и пр.)²⁹. Но цель эта понималась достаточно широко. Войсковые комитеты должны были стать такими органами солдатского самоуправления, которые бы имели право издавать приказы, обязательные для всей воинской части, поскольку только в этом случае они «будут авторитетны, только тогда армия будет боеспособна, когда не будет двоевластия»³⁰. Но фактически это и означало создание условий для возникновения двоевластия в управлении армией.

²² Цит. по: *Кожевин В.Л.* Совет офицерских депутатов Томского гарнизона (март – декабрь 1917 г.) // Исторический ежегодник [Омского государственного университета]. Спец. вып.: Общественное движение Сибири в начале XX века. Омск, 1997. С. 94.

²³ Там же.

²⁴ *Голос Сибири (Новониколаевск)*. 1917. 17 марта.

²⁵ Там же.

²⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6977. Оп. 1. Д. 2. Стенограммы заседаний Всероссийского совещания делегатов от Советов рабочих и солдатских депутатов за время с 28 марта по 3 апреля 1917 г. Л. 265.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Л. 277.

²⁹ Там же. Л. 279.

³⁰ Там же. Л. 281.

Советы рабочих и солдатских депутатов в свою очередь должны были стать «высшими выразителями и руководителями политической воли и политического действия солдатской массы»³¹. Задача Советов – «организовать армию как часть демократии для защиты свободы страны от контрреволюции, откуда бы она не шла»³². Согласно замыслу участников Совещания, революционно-демократические солдатские организации, т.е. Советы, не являются «органами солдатского самоуправления в смысле правительственных органов»: они не издают приказы, обязательные для воинских частей, но «издают постановления для всякого солдата, поскольку он является членом демократии»³³. При этом Советы могли выступать с инициативами реформирования армии в целом, поскольку армия объединяла революционную демократию в лице солдат.

Войсковые комитеты, выражая волю своих частей и оставаясь «совершенно самостоятельными в пределах своих полномочий», в отношении политическом должны были находиться «в тесном единении» с Советами рабочих и солдатских депутатов и подчиняться их решениям в отношении политических действий³⁴. При этом участники совещания допускали оговорку, значительно расширяющую пределы полномочий Советов, смешивая их функции и функции комитетов: «...в нынешнее революционное время нет ни одного вопроса чисто профессионального, и всякий вопрос может стать политическим...»³⁵.

Резолюция Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов фактически подчинила войсковые комитеты Советам. Опиравшийся на решения этого Совещания приказ военного министра А.И. Гучкова № 213 от 16 апреля 1917 г. узаконил существование в армии системы войсковых комитетов (ротных, полковых, армейских) и предусматривал возможность их взаимодействия с Советами³⁶. По сути, этот приказ уточнил и юридически закрепил практику, уже сложившуюся на местах. Так, например, еще до публикации этого документа попытка унифицировать произошедшие изменения в управлении гарнизонами была предпринята в рамках областного съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Восточной Сибири.

12 апреля 1917 г. военной секцией съезда было разработано и принято Положение о ротных и полковых комитетах. Согласно этому положению, на ротные и полковые комитеты, организованные «для сплочения всей русской армии в единую организацию», возлагались следующие практические задачи: решение различных вопросов, касающихся внутреннего быта части; контроль за хозяйственной деятельностью чинов частей; выяснение недопониманий между солдатами и офицерами; принятие мер против злоупотребления и превышения власти со стороны должностных лиц части; подготовка к выборам в Учредительное собрание³⁷. Отдельно был разработан вопрос о связи комитетов с местными Советами рабочих и солдатских депутатов и Петроградским Советом. Предполагалось, что комитеты должны иметь возможность поддерживать Советы «в нужную минуту и не дать вернуться к старому порядку»³⁸.

Командующий войсками Иркутского военного округа генерал Фелицын в своей деятельности, касающейся всего округа или отдельных гарнизонов, должен был находиться «в самой тесной связи» с созданным на съезде Бюро Советов Восточной Сибири. Приказы командующего по округу издавались в полном согласии с Бюро, «всякая мера, предпринятая им с целью изменения условий жизни войск округа», осуществлялась лишь при одобрении Бюро и должна была быть «безусловно выполнена и проведена в жизнь всеми военными

³¹ ГАРФ. Ф. Р-6977. Оп. 1. Д. 2. Л. 281–282.

³² Там же. Л. 282.

³³ Там же. Л. 279.

³⁴ Там же. Л. 282.

³⁵ Там же. Л. 283–284.

³⁶ Приказ № 213 по военному ведомству о введении в действие Положения о ротных, полковых и армейских комитетах и дисциплинарных судах // Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г. – март 1918 г. М., 1982. С. 78–92.

³⁷ Армия и народ (Иркутск). 1917. 21 апр. Приложение к № 5. С. 1.

³⁸ Там же.

организациями, каждым товарищем солдатом и офицером». Бюро Советов Восточной Сибири настаивало, что «во имя великих задач, стоящих перед страной, необходима крепкая дисциплина, необходимо полное единство действия всех частей революционной армии, всех ее органов»³⁹.

В мае 1917 г. на первом Западно-Сибирском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов также было разработано Положение о коллегиальном управлении в войсках. Участники съезда пришли к соглашению, что «оставление организации армии в дореволюционном виде, противоречащем основным демократическим принципам, невозможно и даже небезопасно, как для дела революции, так и для состояния боевой мощи армии». Съезд постановил создать органы коллегиального управления, тесно связанные с Советами рабочих и солдатских депутатов, а именно: ротные, полковые, гарнизонные, военно-окружные комитеты. Все вопросы, выходящие из сферы компетенции единоличной власти начальника, должны были поступать на разрешение соответствующих комитетов и приводиться в исполнение начальником в обычном порядке. На заседаниях комитетов начальник мог присутствовать с правом совещательного голоса. В совместных действиях войсковые начальники и соответствующие комитеты должны были руководствоваться «основами взаимного осведомления и совещания по всем вопросам», при этом войсковые начальники сохраняли за собой власть в вопросах хозяйственных и вопросах военно-технических и боевой подготовки⁴⁰.

Также съезд постановил учредить при командующем войсками округа коллегиальный орган – Военно-окружной комитет (ВОКом). В его состав вошли 15 человек под председательством солдата И.П. Азарова (меньшевик-интернационалист). Теперь приказы командующего округом считались законными только после подписания их членами ВОКома. Участники съезда планировали масштабные трансформации и считали, что коллегиальное управление должно быть завершено образованием Центрального военного комитета, выделенного из состава Всероссийского Совета рабочих и солдатских депутатов⁴¹.

Под воздействием решений Западно-Сибирского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов командующий войсками Омского военного округа генерал-майор Григорьев издал 15 мая 1917 г. приказ № 286, в котором объявлялось о переходе «от единоличного к коллективному управлению» в воинских частях. Новые органы управления при этом должны были быть тесно связаны с Советами рабочих и солдатских депутатов. Созданные солдатские комитеты «при соответствующих начальниках» объявлялись «органами всестороннего контроля». Кроме того, упразднялась «единоличная дисциплинарная власть» воинских начальников, которая теперь переходила «к соответствующим комитетам»⁴². Также ВОКом совместно с командующим округом выработал «Положение о гарнизонных комитетах» (приказ по округу № 308 от 27 мая 1917 г.), которое значительно расширило официальное «Положение о ротных, полковых и армейских комитетах и дисциплинарных судах». Согласно Положению, гарнизонные комитеты в своей политической деятельности должны были подчиняться непосредственно Советам рабочих и солдатских депутатов и принимать меры борьбы с контрреволюционными течениями среди воинских чинов и поддерживать основы самоуправления в войсках⁴³.

Хотя ВОКом к этому времени уже являлся действующим звеном в системе Советов, «Положение об Омском военно-окружном комитете» было объявлено приказом командующего округом лишь спустя несколько дней – 5 июня 1917 г. ВОКом официально получил статус высшего контрольного органа в округе и возможность влиять на все сферы армейской жизни. В своей совместной деятельности ВОКом и командующий войсками должны были

³⁹ Сибирь (Иркутск). 1917. 19 мая.

⁴⁰ Известия Омского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 8 июня (26 мая).

⁴¹ Там же.

⁴² Революционное движение в военных округах... С. 103.

⁴³ Приказы по войскам Омского военного округа. 1917. № 1–893. (Репродуцирован в 2012 году). Омск, 2012. С. 421–423.

руководствоваться «основами взаимного осведомления и совещания»⁴⁴. При этом ВОКом «в порядке спешности в случае разногласий с командующим войсками» получил право самостоятельно издавать приказы и приказания, внося их на предварительное рассмотрение Областного комитета Советов рабочих и солдатских депутатов Западной Сибири и доводя об этом до сведения военного министра⁴⁵.

Фактическая ликвидация принципа единоначалия как основы эффективного управления войсками привела к разрушению воинской дисциплины, поскольку «авторитет и возможности офицеров влиять на солдатскую массу при таком порядке вещей резко снижались»⁴⁶. При этом попытки офицеров этот принцип отстоять могли стоить им занимаемой должности. Советы и войсковые комитеты, принимая на себя обязанности разрешения конфликтов между военнослужащими, руководствовались при этом «расплывчатым представлением о революционной справедливости»⁴⁷. Так, 25 июля губисполком Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов заслушал доклад о деятельности командира 14-го полка подполковника Панченко и резолюцию об устранении его от должности. Совет согласился с доводами полкового комитета о том, что подполковник Панченко «вопреки принципам демократии армии, установленным волей органов революционной власти», отказался признать полномочия полкового комитета, чинил препятствия его деятельности, «противопоставляя ему свою единоличную власть», а также «обнаружил небрежное и недопустимое отношение к своим обязанностям». Исполком постановил устранить подполковника Панченко от командования полком. Также Панченко был обвинен в контрреволюционной деятельности и агитации против Советов рабочих и солдатских депутатов⁴⁸.

Падение авторитета командиров и потеря ими единоличного права на применение дисциплинарных взысканий неизбежно вели к тому, что солдаты превращались в деструктивный элемент, способный дестабилизировать хрупкий порядок, который так непросто было поддерживать после Февраля. Проблема дисциплины и вольного трактования полученных свобод остро встала в первые же дни после победы революции. В журнале «Армия и народ» еще в марте 1917 г. на злобу дня была опубликована статья «Солдатские думы», в которой автор рассуждал о переменах в армейском укладе. «В стране бесправия и произвола, в стране, где все было задушено в судорожно сжавшемся кулаке умиравшего самодержавия, в этой стране нам – солдатам – казалось за великое счастье быть “вольным человеком”, т.е. ходить в штатском платье», – писал автор⁴⁹. В то время все начальство, начиная с ефрейтора и заканчивая генералом, могло безнаказанно издеваться над личностью солдата, «заставляя до изнеможения бегать и делать упоры лежа». Тогда солдат «били, обворывали, кормили впроголодь, водили босиком, на поле битвы оставляли без винтовок и патронов, и нигде нельзя было правды найти: начальник (особенно офицер) был всегда прав». Теперь же, получив права, солдаты забыли о своих обязанностях: «Наша воля, что хотим, то и делаем»⁵⁰. Раньше солдат по приказу начальника делал все – и служебное, и неслужебное, теперь многие и «службу несут спустя рукава, делают самовольные отлучки, пьянствуют», чувствуя безнаказанность. Сейчас все должны служить «одному великому делу, делу спасания свободной родины», а потому приказания начальства должны «исполняться еще добросовестней и аккуратней, чем делалось это раньше»⁵¹. Автор статьи также напоминал, что «требования службы, требования закона и порядка должны быть святы одинаково как для солдат, так и для офицеров»⁵².

⁴⁴ Приказы по войскам Омского военного округа... С. 474.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Попов И.А. Советы военных депутатов Западной Сибири... С. 65.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Красноярский Совет. Март 1917 г. – июнь 1918 г. (Протоколы и постановления съездов Советов, пленумов, исполкома и отделов): сборник документов. Красноярск, 1960. С. 153–154.

⁴⁹ Армия и народ (Иркутск). 1917. 28 марта. С. 14.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. С. 14–15.

⁵² Там же. С. 14.

Однако военнoслужашие оказались не очень восприимчивы к подобным призывам. И со временем ситуация не только не изменилась, но и ухудшилась. Уставные требования к поведению, равно как и к соблюдению правил внутреннего распорядка в частях, систематически нарушались. «Мрачная картина упадка порядка и дисциплины в войсках» стала одной из самых обсуждаемых тем в общественной повестке⁵³. Так, в донесении от 12 мая 1917 г. Енисейский губернский комиссар В.М. Крутовский сообщал, что исполком Красноярского Совета «действует по своему усмотрению, ни у кого не спрашивает разрешения», опираясь на «дезорганизованную солдатскую массу». Против произвола, чинимого солдатами, «нет сил бороться». При этом «командный состав растерян, напуган и, в свою очередь, беспрекословно подчиняется» исполнительному комитету Совета. Согласно донесению комиссара, «уходя в отпуск в деревню, солдаты подражают порядкам города и бесчинствуют на местах, внося анархию, произвол и насилие», что также сопровождается «присвоением имущества и грабежами». Крутовский был уверен, что «смута в умы темных масс вносится безответственными деятелями Совета рабочих и солдатских депутатов»⁵⁴.

С проблемами солдатской дисциплины столкнулись не только наиболее революционные Томский и Красноярский гарнизоны, где активную пропаганду вели большевики. Исполнительная военная комиссия Совета рабочих и военных депутатов Иркутска, именовавшая себя «выборным руководителем армии», в мае делала доклад о положении в гарнизоне. Комиссия настаивала, что «обывательские разговоры о дезорганизации армии, о чуть ли не царящей в военной среде анархии и пр., в большей степени объясняются тем, что широкие круги населения не знают о той планомерной работе по созданию крепкой организации, которая ведется как в местном гарнизоне, так и повсеместно по России»⁵⁵. 12 мая члены исполнительной военной комиссии поверяли 10-й Сибирский стрелковый запасной полк и удостоверились, что занятия в двух ротах учебной команды «ведутся правильно, при полном составе солдат и офицеров», отлично налажена деятельность полкового комитета, организован полковой клуб, библиотека, устраиваются спектакли и лекции на политические темы, издается полковая газета⁵⁶. Обстановку в полку можно было назвать образцовой, что следует, скорее, считать явлением исключительным или, во всяком случае, редким.

При этом все же нужно отдать должное работе исполнительной военной комиссии, регулярно проводившей проверки Иркутского гарнизона. Однако результат этих проверок не всегда можно было назвать удовлетворительным. Комиссия была вынуждена признать, что в гарнизоне не налажена караульная служба: караулы сменялись с большим опозданием, часовые сидели на постах, солдаты были одеты небрежно – бывали без погон, поясов и подсумков. Полковые комитеты также докладывали, что нередко караульные спали прямо на посту, при этом камеры арестантов были открыты, а арестованные свободно разгуливали, где им вздумается⁵⁷. В июне на основании осмотра частей гарнизона исполнительная военная комиссия Иркутского Совета вынесла заключение. В частности комиссия просила солдат «прекратить совершенно ношение смешанной одежды», а также требовала, чтобы «солдаты на службе были всегда одеты по форме, то есть подпоясаны, имели погоны и кокарды»⁵⁸. Исполнительная военная комиссия требовала от выборных органов военного самоуправления «непрерывной самодеятельности и полной энергии в проведении мероприятий, направленных к укреплению нашей революционной армии»⁵⁹. Также комиссия обратила внимание на «отсутствие офицерской работы», заключив, что «только меньшая часть

⁵³ Армия и народ (Иркутск). 1917. Там же. 11 мая. С. 5.

⁵⁴ За власть Советов. Сборник документов о борьбе за власть Советов в Енисейской губернии (март 1917 – июнь 1918 гг.). Красноярск, 1957. С. 87.

⁵⁵ Сибирь (Иркутск). 1917. 19 мая.

⁵⁶ Сибирь (Иркутск). 1917. 19 мая; Армия и народ (Иркутск). 1917. 20 мая. Прибавление к № 12. Подробнее о деятельности полкового комитета 10-го сибирского стрелкового запасного полка см.: Армия и народ (Иркутск). 1917. 12 апр.

⁵⁷ Армия и народ (Иркутск). 1917. 20 мая. Прибавление к № 12.

⁵⁸ Известия Исполнительного комитета общественных организаций гор. Иркутска. 1917. 10 июня.

⁵⁹ Единение (Иркутск). 1917. 6 июня. С. 2.

офицерства отдается делу боевой и культурно-просветительной подготовки солдат с полным напряжением сил»⁶⁰. Как следствие – во многих частях гарнизона распространилась карточная игра и орлянка.

Описанные проблемы были типичны для сибирских гарнизонов в целом. Поездка представителя Окружного бюро тов. Гноева по Советам и гарнизонам Забайкальской области также выявила множество характерных нарушений. В Сретенске занятия в ротах не велись, а присланные молодые солдаты двухнедельного обучения не знали даже основ гарнизонной службы и строя. При этом заниматься они отказывались, мотивируя это тем, что им скоро на позиции. Караульная служба также была поставлена плохо: «часовые наделили себе на вышках лавочки, на которых днем сидят, а по ночам дремлют»⁶¹. По словам докладчика, «солдаты шляются в самом неприличном виде и даже больше: играют в центре города на улице в орлянку, а милиция ничего не предпринимает»⁶². Гноев отметил недостаток ответственных работников и низкий авторитет Совета, не способного подчинить себе политическое воспитание солдат: «часто в роте нет грамотного человека, но зато есть демагоги, которые выводят гарнизон на улицу помимо желания Совета»⁶³.

В Чите, согласно докладу Гноева, занятия велись «только в некоторых ротах и то с грехом пополам», было мало библиотек, газеты не выписывались. Караульная служба была налажена плохо: «те же лавочки, что и в Сретенске». При посещении делегацией частей гарнизона караульный начальник спал, а в одной из дружин на гауптвахте арестованные открыто и свободно гуляли с посетителями. Солдаты выглядели небрежно: «ходят здесь, как и в других местах, неприлично, в растерзанном виде» и «даже в строю одеты часто так, как Бог на душу положит». По словам докладчика, у него создалось впечатление, что «это не армия, а толпа, недостойная свободного народа». «Когда я задавал вопрос о том, что устав гарнизонной службы пока ведь не отменен, и почему же позволяют нарушать то, что, вероятно, будет признано и новым уставом <...> начальство в ответ разводило руками, что оно еще не освоилось с новым положением и растерялось», – сообщал Гноев⁶⁴.

На заседании Окружного бюро Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Восточной Сибири 30 июня тов. Калашниковым был сделан доклад о положении дел в Енисейской губернии. По словам докладчика, «в Красноярске чувствуется чрезвычайная разрозненность и неорганизованность»⁶⁵. Культурно-просветительной работы в гарнизоне не было, только митинговая. Строевые занятия не велись: «солдаты лежат целые дни или бродят по городу»⁶⁶. Из сообщения красноярского офицера (остался неназванным) на совещании демократических организаций города 9 августа можно заключить, что спустя полтора месяца ситуация не изменилась. Падение дисциплины в гарнизоне сказалось на несении караульной службы, были даже случаи отказа рот вступить в караул. Нередко оказывались виноваты сами офицеры, запаздывающие на развод караулов: солдаты при разводе могли ждать караульного офицера по два-три часа. Досуг в гарнизоне не был организован, что вело к различным злоупотреблениям. Многие проводили время в играх в карты, в орлянку. Среди солдат были те, кто занимался торговлей казенными вещами. Иногда частные лица пользовались солдатской формой, чтобы творить произвол, оставаясь безнаказанными. «Солдаты дебоширят в публичных местах. Появляются с гармошкой в гор[одском] саду. На днях двое вынудили извозчика въехать в городской сад для общего скандала». «В уездах такой же развал, еще менее сдерживаемый. Солдаты в деревнях творят свою волю и часто сбивают население на насилия», – докладывал собранию офицер⁶⁷. Похожую картину положения дел в Красноярске обрисовал в своем докладе поручик Краковецкий на собрании Иркутского

⁶⁰ Известия Исполнительного комитета общественных организаций гор. Иркутска. 1917. 10 июня.

⁶¹ Единение (Иркутск). 1917. 22 июля.

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. 4 июля.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Свободная Сибирь (Красноярск). 1917. 11 авг.

Совета военных депутатов 28 августа. По словам Краковецкого, в Красноярске «давно было неблагополучно»: занятия в гарнизоне не велись, солдаты «бродили со скучающими лицами по улицам, играли в орлянку, занимались торговлей, казенные вещи продавали и ходили оборванцами...»⁶⁸.

Мер морального воздействия оказывалось недостаточно, чтобы предотвратить подобные явления, ставшие повсеместными. По войскам Омского гарнизона был объявлен приказ о строжайшем надзоре за тем, чтобы особо наряжаемые патрули задерживали солдат, играющих в азартные игры. Предписывалось также задерживать солдат, бродящих в часы учебных занятий по городу⁶⁹. Газета «Омский вестник» сообщала, что среди солдат, живущих в казармах, развилась лотерейная эпидемия: разыгрывались всевозможные вещи, например гармоники, балалайки, сапоги, гимнастерки, револьверы и прочее. Причем вещи разыгрывались по двойной и более высокой цене. Но вместе с тем в заметке отмечалось, что после издания приказа о запрете азартных игр увлечение игрой в орлянку пошло на убыль⁷⁰.

В газете «Сибирская жизнь» была опубликована большая статья, посвященная состоянию Томского гарнизона. Автор статьи под псевдонимом «прапорщик И. Б.» описывал, «как солдаты занимаются бесцельным хождением по базарам, улицам, луцением семечек, слушанием малограмотных митинговых ораторов да ухаживанием за кухарками»⁷¹. По словам автора, жители города, наблюдая такое поведение, высказывали оправданные замечания: «Все перезабыли. Даже в ногу ходить не умеют. На солдат даже не похожи»⁷². Проверка личного состава в частях Томского гарнизона в августе обнаружила массовые самовольные отлучки: «солдаты оставили свои посты и самовольно разошлись по домам»⁷³. Многие солдаты в часы занятий занимались частными работами, службой и даже торговлей, а некоторые «бесцельно слонялись по городу». Из немногочисленных оставшихся в казармах солдат было невозможно сформировать наряд в караулы.

Приказ по гарнизону № 178 от 7 августа 1917 г. предписывал всем солдатам, «проживающим в городе Томске на частных квартирах, работающим в частных предприятиях, на поденных работах и т.п. без законных на то разрешений», явиться в течение 24 часов в свои роты и команды и впредь прекратить всякие отлучки во время занятий без служебных надобностей. Все не явившиеся в указанный срок в казармы подлежали исключению из списков полков как самовольно отлучившиеся⁷⁴. 9 августа 1917 г. местные Советы солдатских и офицерских депутатов опубликовали воззвание к военнослужащим гарнизона. «Помните, что в эти исторические дни, переживаемые Россией, вы стоите на страже революции и защиты ее от врагов народа», – говорилось в документе. Советы, понимая желание солдат «поддержать свои расшатанные хозяйства», настаивали на том, что сейчас необходимо забыть о личных интересах и отдать все силы исключительно службе общему делу защиты революции и Родины⁷⁵. Советы обязались принять в отношении самовольно отлучившихся самые решительные меры, вплоть до принудительного водворения в казармы⁷⁶.

Обеспечить дисциплину в казармах было непросто, но еще труднее оказалось контролировать солдат за их пределами. Как выяснилось, участники грабежей, разбойных нападений и иных преступлений нередко использовали солдатскую форму. Советы публично заявляли, что именно амнистированные уголовные, зачисленные в ряды войск, уничтожили в казармах «всякую спокойную жизнь»⁷⁷. Так, исполком объединенного Совета рабочих и военных депутатов Иркутска обратился к населению с воззванием, в котором призывал

⁶⁸ Единение (Иркутск). 1917. 3 сент.

⁶⁹ Омский вестник. 1917. 2 авг.

⁷⁰ Там же. 4 авг.

⁷¹ Сибирская жизнь (Томск). 1917. 11 авг.

⁷² Там же.

⁷³ Знамя революции (Томск). 1917. 9 авг.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Армия и народ (Иркутск). 1917. 20 мая.

бороться с «разбойниками и грабителями в солдатских шинелях», которые «были призваны в ряды революционной армии, чтобы служить революции и свободе, чтобы кровью смыть позор былых своих преступлений», но предали свою клятву⁷⁸. Чтобы положить конец этому явлению, Совет военных депутатов Иркутска 20 марта утвердил ряд правил. В частности, каждый солдат, увольняемый со двора, должен был снабжаться удостоверением личности (карточкой), а при увольнении в часы занятий ротный командир должен был выдать особое письменное разрешение (увольнительные записки)⁷⁹.

Позднее исполнительная военная комиссия Иркутского Совета военных депутатов поручила коменданту города подпоручику Моисееву совместно с комендантскими комиссарами, выбранными от частей гарнизона, принять дополнительные меры для поддержания порядка среди военнослужащих. Солдаты, замеченные на улицах в часы занятий без увольнительных записок ротных командиров, а во внеслужебное время без удостоверений личности, подлежали задержанию и передаче в распоряжение командира части. Это же правило относилось и к офицерам. У солдат и офицеров, одетых не по форме (офицеры без оружия, солдаты «в растерзанном виде», без погон, кокард и поясов), следовало изымать удостоверение личности, лишая их тем самым возможности покидать казармы на законных основаниях. Обо всех случаях нарушений комендант города должен был доносить исполнительной военной комиссии, а та ставить это на вид войсковым комитетам⁸⁰. Стоит отметить, что полковые и ротные комитеты (во всяком случае часть из них) старались следить за исполнением этих правил⁸¹.

В августе на объединенном заседании членов ротных и полковых комитетов 13-го и 31-го Сибирских стрелковых запасных полков при участии ротных, батальонных и полковых командиров обсуждался вопрос о водворении порядка в Ачинском гарнизоне⁸². Собравшиеся постановили выразить полное доверие комиссии, избранной военным отделом Ачинского Совета, на которую было возложено установление революционной дисциплины в гарнизоне. Комиссия должна была контролировать беспрекословное исполнение всеми начальствующими лицами и солдатами приказов начальника гарнизона и командиров полков, подписанных председателем военного отдела Совета и председателями полковых комитетов. Ротным и командным комитетам вменялось в обязанность оказывать всевозможное содействие работе комиссии. Виновные в неисполнении приказаний, как начальника гарнизона, так и полковых командиров, должны были привлекаться к ответственности как подрывающие авторитет войсковых комитетов и «способствующие внесению дезорганизации». Особое внимание Собрание уделило вопросу организации разумного досуга в гарнизоне, запретив игру в карты в пределах военного городка. Также собрание поручило ротным и командным комитетам заняться распространением литературы и проведением бесед на политические темы, что противоречило постановлению Всероссийского совещания Советов, согласно которому войсковые комитеты как организации профессиональные не должны были заниматься политическими вопросами. Вместе с этим было запрещено устраивать митинги в пределах городка без разрешения президиума военного отдела Совета. Собрание постановило обратиться с воззванием к военнослужащим, требуя вне военного городка «вести себя прилично, как подобает гражданину свободной России», и обязало снабдить всех солдат и офицеров удостоверениями личности за подписью командиров полков и председателей полковых и ротных комитетов.

Немало проблем доставили Советам солдаты-отпускники, превращавшиеся порой в дезорганизованную неуправляемую массу. Так, приказ по Омскому военному округу от 18 марта позволял будущим маршевикам, прошедшим полный курс обучения, получить

⁷⁸ Армия и народ (Иркутск). 1917. 20 мая.

⁷⁹ Сибирь (Иркутск). 1917. 18 мая; Армия и народ (Иркутск). 1917. 20 мая.

⁸⁰ Единение (Иркутск). 1917. 6 июня.

⁸¹ См., например, повестку объединенного заседания ротных и полкового комитетов 9-го Сибирского стрелкового полка 21 июля 1917 года: Единение (Иркутск). 1917. 29 июля.

⁸² Единение (Иркутск). 1917. 13 авг.

увольнительные в отпуск сроком на семь дней⁸³. Следствием этого решения стал наплыв солдат-отпускников на железнодорожные станции и высокая загрузка поездов, что нарушило нормальное функционирование железных дорог. Участились случаи неявки маршевиков в срок из отпуска, что препятствовало своевременной отправке рот на фронт. В целях восстановления дисциплины на железной дороге и пресечения дезертирства при участии ВОКома было разработано положение об эшелонных комитетах, утвержденное командующим Омским военным округом 24 мая. В задачу эшелонных комитетов входило соблюдение строгого внутреннего порядка в вагонах на всем пути следования и обеспечение прибытия маршевиков в полном составе к месту назначения⁸⁴. Вскоре с согласия ВОКома был издан приказ по войскам округа № 320 от 3 июня 1917 г. В приказе оговаривалось, что «если подобные запаздывания из отпусков впредь будут наблюдаться, то отпуска маршевым ротам будут прекращены; не явившиеся же в срок будут объявляться дезертирами», из которых будут формироваться особые маршевые роты, отправляемые на фронт вне очереди⁸⁵.

Исполнительная военная комиссия Иркутского Совета военных депутатов совместно с полковыми комитетами и командирами полков также разработала правила об отпусках, утвердив их постановлением от 14 июня 1917 г. Отпуска разрешались по пути следования поезда лишь лицам, проживавшим не далее 30 верст от станции железной дороги: маршевики должны были присоединиться к эшелону при прохождении его через станцию. Для контроля положено было составить списки отпускников с указанием станций, на которых должна производиться посадка. Посадкой в поезда должны были заведовать военные железнодорожные комиссары, в помощь которым командировались по два представителя от полкового комитета. Все увольняемые в отпуск должны получить от командира роты отпускные билеты за его подписью, печатью и подписью председателя ротного комитета. Нарушившие данное постановление признавались дезертирами⁸⁶. Военный комиссариат на железных дорогах находился в непосредственном подчинении у Окружного бюро Советов Восточной Сибири. Бюро старалось ввести институт железнодорожного комиссариата повсеместно и постепенно увеличило состав команд, а также расширило их полномочия и позволило предпринимать необходимые меры для предотвращения беспорядков на дороге⁸⁷.

Похожая ситуация сложилась и на речном транспорте. Очень остро стоял вопрос о судоходстве по Енисею. Ввиду того, что «громадные партии солдат», возвращаясь из отпусков, захватывали силой пароходы, не было никакой возможности подвозить припасы в Красноярск, чем в значительной степени объяснялся продовольственный кризис в городе. Тов. Калашников в своем докладе Окружному бюро Советов Восточной Сибири сообщал, что пароходы «запуганы так, что не останавливаются ни на одной пристани, зная, что там их ждут сотни солдат»⁸⁸.

Вопрос поддержания дисциплины встал особенно остро в связи с подготовкой «летнего наступления» русских войск, назначенного на вторую половину июня. 8 июня 1917 г. Военный министр Керенский издал приказ «всем солдатам частей, учреждений и заведений, входящих в состав внутренних округов, отпущенным на полевые работы без указания срока отпуска», до 15 июня явиться к ближайшему воинскому начальнику с последующим возвращением в строй⁸⁹. Отправка пополнений в составе маршевых рот и прежде была сопряжена с рядом трудностей⁹⁰. В первую очередь – ввиду массовых опозданий солдат из отпус-

⁸³ Приказы по войскам Омского военного округа... С. 217.

⁸⁴ Там же. С. 409–410.

⁸⁵ Там же. С. 447.

⁸⁶ Единение (Иркутск). 1917. 20 июня.

⁸⁷ Там же. 14 октября..

⁸⁸ Там же. 4 июля.

⁸⁹ Революционное движение в мае – июне 1917 г. Июньская демонстрация. М., 1959. С. 251.

⁹⁰ См., например: *Никулин Д.О.* Отправка маршевых рот в действующую армию из Омского военного округа в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 423. С. 134–138.

ков, а также из-за побегов маршевиков из эшелонов во время длительного пути на позиции. Теперь же правительство потребовало отправки на фронт контингента тыловых гарнизонов полками. Однако, судя по отчетам с мест, гарнизоны, несмотря на данное распоряжение, продолжали отправлять пополнения ротами⁹¹. Ситуация осложнялась тем, что исполнять требование властей приходилось в разгар сельскохозяйственного сезона, когда солдаты находились в деревне на полевых работах.

Примечательный эпизод произошел на Енисейском губернском съезде Советов крестьянских депутатов. Товарищ председателя исполкома Ачинского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Е.К. Зверев произнес «горячую речь» в защиту тактики Советов по вопросу об отпусках. «Зачем мы будем держать тов[арищей] солдат в душных и грязных казармах, в то время когда они могут работать! Мы дали им отпуска, и солдаты, когда потребуются, тотчас же возвратятся на место», – уверял оратор⁹². Как выяснилось в ходе дискуссии, Зверев дал солдатам отпуска, и когда в тот же день был издан приказ о немедленном наступлении, то товарищ председателя «побежал на станцию уговаривать солдат вернуться обратно». Однако отпускники выполнить это требование отказались: «...солдаты не дураки, они показали тов. Звереву им же подписанные отпуска и уехали»⁹³.

Некоторые Советы заняли выжидательную позицию и старались не спешить с принятием конкретных решений, наблюдая за ситуацией со стороны. Так, в Томске лишь 21 июня состоялось собрание местного гарнизона – «чрезвычайно многолюдное и напряженное»⁹⁴. Обсуждалась предстоящая отправка всего Томского гарнизона на фронт, а также вопрос об отпущенных весной на полевые работы военнослужащих и вопрос о кратковременных отпусках. Собрание признало, что солдаты добросовестно выполнили взятые на себя обязанности по засеву полей: площадь посева в текущем году увеличилась почти вдвое. Однако также собрание выразило опасение, что при отправке на фронт солдат-отпускников засеянные поля останутся необработанными и весь урожай сгниет, вследствие чего Томская губерния может остаться без хлеба⁹⁵. В ходе обсуждения была предложена резолюция – отказаться выполнить приказ Керенского о возвращении в части военнослужащих-хлебопашцев. С изданием приказа № 370 конфликт был исчерпан.

Обострение продовольственной проблемы все же выявило необходимость направить трудовые резервы в деревню. Правительство признавало, что «интересы России, армии и всего народа требуют, чтобы весь урожай был собран без малейших потерь»⁹⁶. Согласно приказу № 370 по Военному ведомству от 21 июня 1917 г., во всех гарнизонах надлежало сформировать особые воинские команды для отправки на полевые работы. Число и состав этих команд определялись начальниками гарнизонов совместно с Советами солдатских и крестьянских депутатов (либо войсковыми комитетами), продовольственными и земельными комитетами.

Опираясь на этот приказ, Военно-окружной комитет выработал порядок проведения означенных мероприятий, обговорив дополнительные условия, действовавшие в пределах Омского военного округа⁹⁷. Однако налагаемые приказом ограничения на деле не могли сдержать поток солдат, устремившихся в деревню. При этом отпускники, вопреки предписаниям командиров, не торопились возвращаться в строй, фактически становясь дезертирами. Решения Советов на местах также провоцировали развал дисциплины. Так, Томский Совет солдатских депутатов, дабы не терять влияние в гарнизоне, пошел против приказа, вступив в конфликт с Военно-окружным комитетом и командующим войсками округа. Члены Совета настаивали на необходимости распустить на сельскохозяйственные работы необученных

⁹¹ Единение (Иркутск). 1917. 4 июля.

⁹² Свободная Сибирь (Красноярск). 1917. 7 июля.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Знамя революции (Томск). 1917. 23 июня.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Россия. Военное министерство. Приказы по Военному ведомству [по годам]. СПб., 1853–1917. 1917: № 1–645. С. 458.

⁹⁷ См. подробнее: Приказы по войскам Омского военного округа... С. 551–552.

белобилетников для того, чтобы не дать погибнуть хлебу⁹⁸. Совет заявил, что «снимает с себя всякую ответственность за то, что распоряжение Омского окружного комитета оставит хлеб необрунным»⁹⁹. Нарушались и другие условия приказа Керенского: солдаты уходили одиночным порядком, уходили и те, кто еще не достиг 40-летнего возраста¹⁰⁰. Создавался прецедент, дававший солдатам соседних гарнизонов основание требовать от начальства и своих выборных органов пойти против официальных распоряжений.

В Новониколаевске требование дать отпуска чуть не обернулось расправой над членами местного Совета. Здесь «огромная толпа солдат» до 4 тыс. человек из разных частей местного гарнизона осадила Совет рабочих и солдатских депутатов. «Никакие увещевания, никакие просьбы к толпе» со стороны членов исполкома не подействовали. В результате «часть толпы заняла помещение Совета и насадила на исполнительный комитет», требуя подписать приказ об отпуске на полевые работы, причем на условиях, выдвигаемых самими солдатами, а фактически – сделать как в Томске. «Осада» продолжалась 14 часов, при этом настроение толпы принимало угрожающее состояние¹⁰¹. «Несмотря на все доводы, весь здравый смысл, все ссылки на материалы и приказы, толпа не унималась», в результате чего Совет вынужден был «пойти навстречу толпе»¹⁰². Осознавая, что совершает преступление, Совет вынес компромиссное постановление, которое, однако, не удовлетворило солдат. Солдаты мотивировали свои требования тем, что «сейчас поля не убраны, здесь же они два месяца лежат, ничего не делают», и разумно было бы или отправить их на фронт, или отправить убирать хлеба¹⁰³. Чтобы поставить точку в вопросе, было собрано коалиционное заседание демократических организаций Новониколаевска. После продолжительных дискуссий собрание признало требования солдат преступными и большинством голосов приняло резолюцию, в которой поддержало приказ Керенского и строгое его исполнение. Вместе с тем собрание, понимая желание солдат ехать на уборку полей именно в свои волости, просило по возможности учитывать это обстоятельство при формировании дружин¹⁰⁴.

Окончательно вопрос об отпусках не был разрешен, и Советы в провинции принимали решения, исходя из местных потребностей и собственных интересов. Военное министерство разрешило давать отпуска определенным категориям военнослужащих на определенных условиях. Областное военное бюро в согласии со Штабом Иркутского военного округа дало свои указания по этому вопросу¹⁰⁵. Красноярский Совет вошел местный гарнизонный комитет с представлением об удовлетворении всех солдат отпусками независимо от расстояния. Это ходатайство не было удовлетворено. Тогда Совет самовольно выдал отпуска, не считаясь с распоряжениями министерства и Военного бюро. Вместо законных 300 верст по железной дороге Совет выдал отпуска на 3000 верст, вместо 25 верст по радиусу выдал отпуска в Минусинский и Енисейский уезды. При этом отпуска получили даже белобилетники, которым категорически воспрещалось их выдавать, а также нестроевые маршевых рот, назначенные к немедленной отправке на фронт.

Из Иркутска поступило распоряжение командующего войсками, поддержанное Окружным бюро, задержать солдат с незаконными отпусками. Начальник Красноярского гарнизона принял военные меры в отношении отпускных солдат, приказав задерживать их на станциях и пристанях. Гарнизонный комитет в ночь на 15 августа выставил патрули, снимал с поезда уезжавших солдат и возвращал их в казармы¹⁰⁶. Пароход, нагруженный солдатами,

⁹⁸ Знамя революции (Томск). 1917. 8 авг.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Известия Новониколаевских Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1917. 9 авг.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Единение (Иркутск). 1917. 6 июля.

¹⁰⁶ Свободная Сибирь (Красноярск). 1917. 17 авг.; 18 авг.

также был задержан¹⁰⁷. В свою очередь исполком Красноярского Совета посчитал принятые меры нецелесообразными, поскольку они вызывали лишь «озлобление возвращенных»¹⁰⁸. В газете «Свободная Сибирь» было опубликовано обращение к солдатам-отпускникам. Солдатам вменялось в вину, что они забыли о долге и, вопреки распоряжениям Бюро Советов Восточной Сибири и командующего Иркутским военным округом, разъезжаются по домам, воспользовавшись незаконными отпускными билетами. Начальник Красноярского гарнизона полковник Толстов называл солдат, покинувших свои части, преступниками и предателями. «Пора всем понять, что свободу мы получили не для того, чтобы водворять в стране анархию, продавать Родину и губить <...> завоевания революции», – говорилось в воззвании¹⁰⁹. Окружное бюро выступило с обращением к Красноярскому Совету, заявив, что в настоящий момент, когда организация и единообразие деятельности Советов диктуются необходимостью, оно считает недопустимым «такие несогласованные и единоличные выступления», с какими уже неоднократно выступали красноярцы¹¹⁰.

В целом много недоразумений и злоупотреблений наблюдалось с отпусками солдат. Солдаты по окончании отпуска оставались на местах и продолжали заниматься своими делами. Получив отпуск на полевые работы, солдаты шли трудиться на заводы и т.д. Также было выявлено использование подложных отпускных документов, нарушение сроков отпуска и пр.¹¹¹ В июле специально созданная в Иркутске комиссия выяснила, что из 26 тыс. военнослужащих, отпущенных на полевые работы еще весной, вернулось не более 7 тыс. человек¹¹². Один из членов Томского гарнизонного Совета в августе 1917 г. сообщал, что по списку численность Томского гарнизона достигала 23 тыс. человек, налицо же имелось лишь около 2,5 тыс. солдат, 7,5 тыс. солдат находились в отпусках на полевых работах, а 13 тыс. человек «куда-то безнадежно потерялись»¹¹³.

Подобное поведение солдат – фактически дезертирство – можно расценивать как стихийную форму протеста против войны. Проблема дезертирства приобретала характер явно политический. И позиция Советов в этом вопросе довольно четко коррелировалась с их отношением к официальной власти. Так, разделявший общедемократическую платформу Иркутск в лице Окружного бюро Советов Восточной Сибири, объединенного исполкома Иркутских Советов рабочих и военных депутатов, исполкома Совета крестьянских депутатов и Комитета общественных организаций довольно однозначно высказался по этому вопросу. «Поставленная перед тяжелой необходимостью принимать участие в войне демократия, хотя и несет в ней наибольшие и острейшие потери, принуждена ее вести и поддерживать раз начавшееся наступление в целях защиты завоеваний и позиций революции. Поэтому уклонение от участия в боевых действиях, дезертирство и массовое бегство должны быть рассматриваемы как явления контрреволюционные», – заявили иркутяне¹¹⁴. В то же время пробольшевистски настроенные Советы, как можно было убедиться, весьма халатно относились к официальным распоряжениям, касавшимся обеспечения боеспособности армии.

Советы в целом не отрицали необходимость подготовки и отправки пополнений в действующую армию и прямо не призывали солдат отказываться идти на фронт. Но это не мешало отдельным лицам – представителям Советов – выступать с антиправительственными лозунгами, провоцируя солдат на нарушение приказов командования. Так, член Читинского Совета рабочих и солдатских депутатов тов. Хабаров, командированный в Нерчинск для проверки отсрочек военнообязанных, выступая на митингах, требовал «не давать на фронт ни одного солдата для поражения нашего врага Вильгельма»¹¹⁵. На засе-

¹⁰⁷ Свободная Сибирь (Красноярск). 1917. Там же. 19 авг.

¹⁰⁸ Красноярский Совет... С. 165.

¹⁰⁹ Свободная Сибирь (Красноярск). 1917. 17 авг.

¹¹⁰ Там же. 18 авг.

¹¹¹ Там же. 17 авг.

¹¹² Единение (Иркутск). 1917. 6 июля.

¹¹³ Сибирская жизнь (Томск). 1917. 11 авг.

¹¹⁴ Единение (Иркутск). 1917. 15 июля.

¹¹⁵ Там же. 22 июля.

дании Иркутского Совета военных депутатов в конце августа был заслушан доклад делегата-фронтовика 6-й Сибирской стрелковой дивизии поручика Морозова. Оратор обрисовал «тягостную картину дезорганизации дивизии»: вместо исполнения приказов в условиях боевой обстановки – бесконечные митинги, самовольный уход с участков. Морозов сообщал: «Бывали случаи, когда в атаку шли только офицеры да старые солдаты, а „большевистское” пополнение отходило в тыл. 14 июля вышел приказ об аресте подобных „большевиков” и предании их революционному суду. И здесь нам пришлось наблюдать самую печальную картину. Вчерашние непримиримые „большевики” оказались просто несчастными темными солдатами, наслушавшимися лозунгов о братании и проч., а в сущности не сознающих всех последствий своих слов и поступков. Все их оправдание сводилось к тому, что они в сущности не виноваты, а их научили всему этому в Красноярске и т.д.»¹¹⁶. Моральный дух и патриотический настрой маршевиков, прибывавших на фронт, как и остававшихся в тылу солдат, постепенно угасали.

Подводя итог, отметим, что на начальном этапе демократизации армии инициативы Советов по утверждению гражданских прав солдат можно расценивать как весьма достойную попытку сделать их полноценными членами общества обновленной и свободной России. Советы уповали на то, что «сознательная дисциплина будет более крепкой, чем та, которая держалась на страхе наказания», и армия «станет боеспособной революционной силой, способной отстоять республику и свободу страны от всех посягательств»¹¹⁷. Однако расчет на «здоровое ядро», на добросовестность и сознательность солдатской массы, в большинстве своем малограмотной и политически невежественной, не оправдался. Вместо этого в армейской среде распространились деструктивная активность, расхлябанность, привычка к насилию и безнравственность, а «понятия демократической республики, правопорядка, равенства и парламентаризма в большинстве случаев оказались недоступны пониманию солдат – вчерашних крестьян»¹¹⁸. Пропаганда свободы и коллегиального управления в войсках спровоцировала стремление военнослужащих к вседозволенности и привела к слову авторитетов: «два с половиной года держала нас в порядке самовластная палка, а теперь... теперь мы не хотим признавать ничего. Мы очень своеобразно истолковали свои обязанности и права, что относится в равной степени как к солдатам, так и к офицерам»¹¹⁹.

Политическая активность военнослужащих по демократизации армии выродилась в борьбу с самой армией как институтом. Разрушение единоначалия как базового принципа внутреннего устройства войск вело к потере управляемости контингентом вооруженных сил и, как следствие, к падению боеспособности армии и ее развалу. Перенявшие значительную часть функций военного командования войсковые комитеты, фактически находившиеся под влиянием Советов, если и могли справиться с обеспечением хозяйственно-бытовых нужд и на первых порах поддерживать хотя бы видимость дисциплины, то задача подготовки пополнений для фронта (основная задача тыловых гарнизонов как стратегического ресурса русской армии!) оказалась для них исключительно сложной. В погоне за сохранением своего влияния в гарнизонах Советы разрывались между необходимостью поддержать июньское наступление и потребностью удовлетворить требования солдат и отправить их на уборку урожая. В результате принимаемые Советами решения часто были непоследовательными и противоречивыми, что вело к потере лояльности к ним со стороны армейской массы.

Путь солдат к миру после Февраля 1917 г. лежал через развал воинской дисциплины, анархию в казармах и хаос за их пределами, распространение деструктивных форм поведения и рост дезертирства. Если после победы революции армия являлась гарантом ее завоеваний, то с течением времени, когда эйфория мартовских дней сменилась апатией и разочарованием, озлобленная солдатская масса стала угрозой для хрупкого постфевральского порядка и сохранения сложившейся демократической коалиции. Этим и не преминули

¹¹⁶ Единение (Иркутск). 1917. 3 сент.

¹¹⁷ Там же. 21 сент.

¹¹⁸ Ямщиков С.В. Социально-психологические детерминанты «солдатской революции» 1917 года в России // Историческая психология и социология истории. 2008. № 2. С. 173.

¹¹⁹ Единение (Иркутск). 1917. 22 июля.

воспользоваться леворадикальные элементы, постепенно укреплявшие свои позиции в Советах рабочих и военных депутатов: простые и понятные лозунги большевиков с требованием мира и земли все явственнее находили отклик среди солдат, уставших от затянувшейся войны и пустых обещаний действующей власти.

Литература

Бабикова Е.Н. Двоевластие в Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1980. 156 с.

Баталов А.И. Борьба большевиков за армию в Сибири (1916 – февраль 1918 г.). Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1978. 285 с.

Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г. – март 1918 г.: сб. документов / отв. ред. Л.М. Гаврилов. М.: Наука, 1982. 610 с.

Еремин И.А. Подготовка людских резервов для действующей русской армии в Западной Сибири в условиях хаоса 1917 г. // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2017. № 1 (30). С. 47–51.

Еремин И.А. Сознательный развал русской армии как неизбежное следствие государственного переворота в феврале 1917 г. (на примере Омского военного округа) // Гуманитарные проблемы военного дела. 2018. № 1 (14). С. 35–39.

За власть Советов. Сборник документов о борьбе за власть Советов в Енисейской губернии (март 1917 – июнь 1918 гг.) / под ред. В. Логвинова. Красноярск: Красноярское кн. изд-во, 1957. 332 с.

Иванов Ю.В. Советы Средней Сибири в двух буржуазно-демократических революциях (1905– 1907; март – октябрь 1917 гг.): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1969. 301 с.

Кожевин В.Л. Совет офицерских депутатов Томского гарнизона (март – декабрь 1917 г.) // Исторический ежегодник [Омского государственного университета]. Спец. вып.: Общественное движение Сибири в начале XX века. Омск: Изд-во ОмГУ, 1997. С. 91–103.

Кожевин В.Л., Попов И.А. К вопросу о возникновении Омского союза солдат-крестьян // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск: Изд-во Омск. гос. аграрного ун-та, 2002. Ч. 1. С. 154–156.

Красноярский Совет. Март 1917 г. – июнь 1918 г. (Протоколы и постановления съездов Советов, пленумов, исполкома и отделов): сборник документов / гл. ред. М.Б. Шейнфельд. Красноярск, 1960. 582 с.

Ларьков Н.С. Начало гражданской войны в Сибири: армия и борьба за власть. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. 252 с.

Ларьков Н.С. Армия и борьба за власть в Сибири в конце 1917–1918 г.: дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1996. 575 с.

Никулин Д.О. Отправка маршевых рот в действующую армию из Омского военного округа в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 423. С. 134–138.

Никулин Д.О. Подготовка пополнения для действующей армии в запасных частях Омского военного округа в 1914–1917 гг. Новосибирск: Параллель, 2022. 292 с.

Познанский В.С. Сибирский красный генерал. [А.А. Таубе]. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1972. 270 с.

Попов И.А. Советы военных депутатов Западной Сибири (март 1917 – весна 1918 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2005. 209 с.

Революционное движение в военных округах. Март 1917 г. – март 1918 г.: сб. документов и материалов / отв. ред. Ю.И. Кораблев. М.: Наука, 1988. 486 с.

Революционное движение в мае – июне 1917 г. Июньская демонстрация / ред. коллегия: Д.А. Чугаев (отв. ред.) и др. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 662 с.

Самойлов Л., Циркунов Г. Западно-Сибирский областной исполнительный комитет Советов // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск: Зап.-Сиб. отд. ОГИЗ, 1931. Т. 2. С. 64–66.

Сафронов В.П. Октябрь в Сибири. Большевики Сибири в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции (февраль 1917 – март 1918 г.). Красноярск: Красноярское кн. изд-во, 1962. 723 с.

Советы Томской губернии. Март 1917 – май 1918 г.: Сборник документов и материалов / под ред. И.М. Разгона. Томск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, Томское отд-ние, 1976. 218 с.

Соловьева В.А. Советы Томской губернии в период двоевластия (март – июль 1917 г.) // Труды Томского государственного университета. Томск, 1964. Т. 167. С. 3–25.

Соловьева В.А. Томский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году // Томску 375 лет. Томск, 1979. С. 137–152.

Фабричный А.В. Борьба за Советы: Омск, 1917–1918. Омск: Омск. обл. гос. изд-во, 1942. 89 с.

Чернова И.В. Самоуправление в армии в период революции 1917 года (на материалах Томского гарнизона) // Гражданское общество и региональное развитие: материалы науч.-практ. конф. (Томск, 22 апреля 1994 г.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. С. 33–34.

Чижов И.Г. Солдаты Омского гарнизона в Октябрьской революции // Борьба за власть Советов в Сибири и на Дальнем Востоке. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1968. С. 39–80.

Чижов И.Г. Омский гарнизон в период мирного развития революции // Революционное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1970. Вып. V. С. 125–158.

Шекшеев А.П. Русское офицерство тыловых гарнизонов Енисейской губернии в 1917 г. // Вопросы истории Сибири: сборник научных статей. Вып. 11. Омск, 2015. С. 94–102.

Шекшеев А.П. Солдатская революция в Красноярском гарнизоне в последний год Великой войны // Война и личность: роль и место личности в истории войн: материалы Всерос. (с междунар. участием) науч. конф., посвящ. 100-летию Брусиловского прорыва (Новосибирск, 12–13 мая 2016 г.) / под ред. В.И. Баяндина и А.В. Запороженко. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2016. С. 113–119.

Ямщиков С.В. Социально-психологические детерминанты «солдатской революции» 1917 года в России // Историческая психология и социология истории. 2008. № 2. С. 163–179.

References

Babikova, E.N. (1980). *Dvoevlastie v Sibiri* [Dual Power in Siberia]. Tomsk, Izdatel'stvo TGU. 156 p.

Batalov, A.I. (1978). *Bor'ba bol'shevikov za armiyu v Sibiri (1916 – fevral' 1918 g.)* [The Struggle of the Bolsheviks for the Army in Siberia. 1916 – February 1918]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 285 p.

Chernova, I.V. (1994). *Samoupravlenie v armii v period revolyutsii 1917 goda (na materialakh Tomskogo garnizona)* [Self-Government in the Army during the Revolution of 1917 (Based on Materials from the Tomsk Garrison)]. In *Grazhdanskoe obshchestvo i regional'noe razvitie: materialy naucho-prakticheskoy konferentsii (Tomsk, 22 aprelya 1994 g.)*. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, pp. 33–34.

Chizhov, I.G. (1968). *Soldaty Omskogo garnizona v Oktyabr'skoy revolyutsii* [Soldiers of the Omsk Garrison in the October Revolution]. In *Bor'ba za vlast' Sovetov v Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, pp. 39–80.

Chizhov, I.G. (1970). *Omskiy garnizon v period mirnogo razvitiya revolyutsii* [Omsk Garrison during the Period of Peaceful Development of the Revolution]. In *Revolyutsionnoe dvizhenie v Sibiri I na Dal'nem Vostoke*. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. Iss. V, pp. 125–158.

Chugaev, D.A. (Ed.). (1959). *Revolyutsionnoe dvizhenie v mae – iyune 1917 g. Iyun'skaya demonstratsiya* [Revolutionary Movement in May – June 1917. The June Demonstration]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 662 p.

Eremin, I.A. (2017). *Podgotovka lyudskikh rezervov dlya deystvuyushchey russkoy armii v Zapadnoy Sibiri v usloviyakh khaosa 1917 g.* [The Preparation of Human Reserves for Russian

Army in the Field in Conditions of Chaos in West Siberia in 1917]. In *Vestnik Altayskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 1 (30), pp. 47–51.

Eremin, I.A. (2018). Soznatel'nyy razval Russkoy armii kak neizbezhnoe sledstvie gosudarstvennogo perevorota v fevrale 1917 g. (na primere Omskogo voennogo okruga) [Conscious Collapse of the Russian Army as an Inevitable Result of the Revolution in February 1917 (On the Example of the Omsk Military District)]. In *Gumanitarnye problemy voennogo dela*. No. 1 (14), pp. 35–39.

Fabrichnyy, A.V. (1942). *Bor'ba za Sovety: Omsk, 1917–1918* [The Fight for the Soviets: Omsk, 1917–1918]. Omsk, Omskoe oblastnoe gosudarstvennoe izdatel'stvo. 89 p.

Gavrilov, L.M. (Ed.). (1982). *Voyskovye komitety deystvuyushchey armii. Mart 1917 g. – mart 1918 g.: sbornik dokumentov* [Military Committees of the Field Army. March 1917 – March 1918: Collection of Documents]. Moscow, Nauka. 610 p.

Ivanov, Yu.V. (1969). *Sovety Sredney Sibiri v dvukh burzhuazno-demokraticeskikh revolyutsiyakh (1905–1907; mart – oktyabr' 1917 gg.)* [Soviets of Central Siberia in Two Bourgeois-Democratic Revolutions (1905–1907; March – October 1917)], Cand. jur. sci. diss. Moscow. 301 p.

Korablev, Yu.I. (1988). *Revolyutsionnoe dvizhenie v voennykh okrugakh. Mart 1917 g. – mart 1918 g.: Sb. dokumentov i materialov* [Revolutionary Movement in Military Districts. March 1917 – March 1918: Collect. of Documents and Materials]. Moscow, Nauka. 486 p.

Kozhevina, V.L. (1997). *Sovet ofitserskikh deputatov Tomskogo garnizona (mart – dekabr' 1917 g.)* [Soviet of Officers' Deputies of the Tomsk Garrison (March – December 1917)]. In *Istoricheskiy ezhegodnik [Omskogo gosudarstvennogo universiteta]. Spetsial'nyy vypusk: Obshchestvennoe dvizhenie Sibiri v nachale XX veka*. Omsk, Izdatel'stvo OmGU, pp. 91–103.

Kozhevina, V.L., Popov, I.A. (2002). K voprosu o vozniknovenii Omskogo soyuza soldat-krest'yan [On the Issue of the Emergence of the Omsk Union of Soldiers-Peasants]. In *Sibirskaya derevnya: istoriya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya*. Omsk, Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. Part 1, pp. 154–156.

Lar'kov, N.S. (1995). *Nachalo grazhdanskoy voyny v Sibiri: armiya i bor'ba za vlast'* [The Beginning of the Civil War in Siberia: The Army and the Struggle for Power]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. 252 p.

Lar'kov, N.S. (1996). *Armiya i bor'ba za vlast' v Sibiri v kontse 1917–1918 g.* [The Army and the Struggle for Power in Siberia at the End of 1917–1918], Dr. hist. sci. diss. Tomsk. 575 p.

Logvinov, V. (Ed.). (1957). *Za vlast' Sovetov. Sbornik dokumentov o bor'be za vlast' Sovetov v Eniseyskoy gubernii (mart 1917 – iyun' 1918 gg.)* [For the Power of the Soviets. A Collection of Documents on the Struggle for the Power of the Soviets in Yeniseysk Governorate (March 1917 – June 1918)]. Krasnoyarsk, Krasnoyarskoe knizhnoe izdatel'stvo. 332 p.

Nikulin, D.O. (2017). *Opravka marshevyykh rot v deystvuyushchuyu armiyu iz Omskogo voennogo okruga v gody Pervoy mirovoy voyny (1914–1917 gg.)* [The Dispatch of the Marching Companies to the Army in the Field from the Omsk Military District during the Years of the First World War (1914–1917)]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 423, pp. 134–138.

Nikulin, D.O. (2022). *Podgotovka popolneniya dlya deystvuyushchey armii v zapasnykh chastyakh Omskogo voennogo okruga v 1914–1917 gg.* [Preparation of Reinforcements for the Field Army in Reserve Units of the Omsk Military District in 1914–1917]. Novosibirsk, Parallel'. 292 p.

Popov, I.A. (2005). *Sovety voennykh deputatov Zapadnoy Sibiri (mart 1917 – vesna 1918 gg.)* [Soviets of Militaries' Deputies of Western Siberia (March 1917 – Spring 1918)], Cand. hist. sci. diss. Omsk. 209 p.

Poznanskiy, V.S. (1972). *Sibirskiy krasnyy general [A.A. Taube]* [Siberian Red General [A.A. Taube]]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 270 p.

Razgon, I.M. (1976). *Sovety Tomskoy gubernii. Mart 1917 – may 1918 g.: Sbornik dokumentov i materialov* [Soviets of the Tomsk Province. March 1917 – May 1918: Collection of Documents and Materials]. Tomsk, Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, Tomskoe otdelenie. 218 p.

Safronov, V.P. (1962). *Oktyabr' v Sibiri. Bol'sheviki Sibiri v bor'be za pobedu Velikoy Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii (fevral' 1917 – mart 1918 g.)*. [October in Siberia. The Bolsheviks of Siberia in the Struggle for the Victory of the Great October Socialist Revolution (February 1917 – March 1919)]. Krasnoyarsk, Krasnoyarskoe knizhnoe izdatel'stvo. 723 p.

Samoylov, L., Tsirkunov, G. (1931). Zapadno-Sibirskiy oblastnoy ispolnitel'nyy komitet Sovetov [West-Siberian Regional Executive Committee of Soviets]. In *Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya*. Novosibirsk, Zapadno-Sibirskoe otdelenie OGIZ. Vol. 2, pp. 64–66.

Sheinfel'd, M.B. (Ed.). (1960). *Krasnoyarskiy Sovet. Mart 1917 g. – iyun' 1918 g. (Protokoly i postanovleniya s'ezdov Sovetov, plenumov, ispolkoma i otdelov): sbornik dokumentov* [Krasnoyarsk Soviet. March 1917 – June 1918 (Protocols and Resolutions of Soviet Congresses, Plenums, Executive Committee and Departments). Collect. of Documents]. Krasnoyarsk. 582 p.

Sheksheev, A.P. (2015). Russkoe ofitserstvo tylovykh garnizonov Eniseyskoy gubernii v 1917 g. [Russian Officers of the Rear Garrisons of the Yenisei Province in 1917]. In *Voprosy istorii Sibiri: sbornik nauchnykh statey*. Omsk. Iss. 11, pp. 94–102.

Sheksheev, A.P. (2016). Soldatskaya revolyutsiya v Krasnoyarskom garnizone v posledniy god Velikoy voyny [The Soldiers' Revolution. Krasnoyarsk Garrison in the Last Year of the Great War]. In *Voyna i lichnost': rol' i mesto lichnosti v istorii voyn: materialy Vserossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu Brusilovskogo proryva, Novosibirsk, 12–13 maya 2016 goda*. Novosibirsk, Novosibirskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, pp. 113–119.

Solov'eva, V.A. (1964). Sovety Tomskoy gubernii v period dvoevlastiya (mart – iyul' 1917 g.) [Tomsk Province Soviets during the Period of Dual Power (March – July 1917)]. In *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Tomsk. Vol. 167, pp. 3–25.

Solov'eva, V.A. (1979). Tomskiy Sovet rabochikh i soldatskikh deputatov v 1917 godu [Tomsk Soviet of Workers' and Soldiers' Deputies in 1917]. In *Tomsku 375 let*. Tomsk, pp. 137–152.

Yamshchikov, S.V. (2008). Sotsial'no-psikhologicheskie determinanty “soldatskoy revolyutsii” 1917 goda v Rossii [Socio-Psychological Determinants of the “Soldiers' Revolution” of 1917 in Russia]. In *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*. No. 2, pp. 163–179.